

БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА "ТЕОРИЯ МОДЫ"

ТМ

ЗАПИСКИ КУКЛЫ

МОДНОЕ ВОСПИТАНИЕ
В ЛИТЕРАТУРЕ ДЛЯ ДЕВИЦ
КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XX ВЕКА

МАРИНА
КОСТЮХИНА

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Библиотека журнала «Теория моды»

Марина Костюхина

**Записки куклы. Модное
воспитание в литературе
для девиц конца XVIII
– начала XX века**

«НЛО»

Костюхина М.

Записки куклы. Модное воспитание в литературе для девиц конца XVIII – начала XX века / М. Костюхина — «НЛО»,
— (Библиотека журнала «Теория моды»)

ISBN 978-5-4448-0490-2

Монография посвящена исследованию литературной репрезентации модной куклы в российских изданиях конца XVIII – начала XX века, ориентированных на женское воспитание. Среди значимых тем – шитье и рукоделие, культура одежды и контроль за телом, модное воспитание и будущее материнство. Наиболее полно регистр гендерных тем представлен в многочисленных текстах, изданных в формате «записок», «дневников» и «переписок» кукол. К ним примыкает разнообразная беллетристическая литература, посвященная игре с куклой. В кукольных «записках», как и во всей литературе для девиц, велика роль предметного мира: вещам и деталям туалета придается статус жизнеопределяющего и духовно значимого. Столь же говорящими являются наряд куклы, форма тела и выражение ее лица. Предлагаемое исследование предметно-вещевого мира в русской литературе для девиц конца XVIII – начала XX века – первый опыт в этой области.

ISBN 978-5-4448-0490-2

© Костюхина М.

© НЛО

Содержание

Кукольные истории в лицах и эпохах	5
Кукла в роли сочинительницы	22
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Марина Костюхина

Записки куклы. Модное воспитание в литературе для девиц конца XVIII – начала XX века

Кукольные истории в лицах и эпохах

Картинка вместо эпиграфа

Игры дворянских девочек с различными типами кукол (литография П. Вдовичева, 1830–1840-е)

Старинная литография изображает детскую комнату в русском дворянском доме. Сделал рисунок и вырезал на камне Петр Вдовичев, гравер и владелец мастерской, существовавшей в Петербурге в 1830–1840-е годы. Вдовичев занимался изготовлением литографических картин и картонажных игр, среди которых были разрезные картины (пазлы). Для их изготовления печатались литографии, наклеивавшиеся на картон и разрезавшиеся на замысловатые фигуры. Возможно, литография с видом детской комнаты и играющих детей была выполнена Вдовичевым для настольной игры.

Куклы и аксессуары для кукольной игры воспроизведены литографом с точностью и в деталях – именно такие игрушки продавались в игрушечных лавках обеих столиц и привозились русскими дворянами из зарубежных вояжей. У кукол, которые сидят в коляске или лежат в кроватке, восковые головки с нарисованными лицами и тряпичное тело, обшитое лайкой. Части кукольного тела соединены тканью или кожей, что делает их удобными для игры в дочери-матери. Куклы со съемной одеждой подходят для уроков по шитью и руко-

делию, обязательных для каждой девочки. Иное предназначение у кукол, закрепленных на подставке: они радуют глаз модным французским платьем или живописным крестьянским нарядом. Такие игрушки украшают домашнюю половину дома подобно картинам, вазам и скульптурам.

Пространство картинки, изображающей девичью игру с куклами, замкнуто стенами детской. За ее пределами располагается мир взрослых. Замкнутость пространства нарушает вошедшая дама (мать или гувернантка): она пришла, чтобы позвать к себе старшую из девочек (книги в руках у обеих напоминают о взрослых обязанностях). Девочке не хочется отрываться от игры, да и наставница словно медлит в дверях: створка двери на взрослую половину не распахнута, а только приоткрыта.

Такой предстает игра в куклы на литографии старого петербургского мастера. Так ли было на самом деле? Мемуары и исторические документы свидетельствуют: социальные практики, воспитательные методы и семейные обстоятельства в русских семьях были разными. В 1820–1840-х годах у девочек из семей петербургских аристократов, а именно такая семья изображена на картинке, имелись дорогие куклы и аксессуары для кукольной игры. В семьях провинциального дворянства подобные игрушки были редкостью. Но и там, где они встречались, куклы не часто попадали в детские руки, ведь восковые или фарфоровые головки легко бьются, ручки-ножки быстро ломаются. На литографии, изображающей детскую, воцарился рай – девочки могут вдоволь наслаждаться игрушками и кукольной игрой.

Выражение «девочка и кукла» стало формулой, закрепившей предметно-символическую связь между игрушкой и ее обладательницей. В этнографических, психологических и социальных науках существует множество трактовок этой связи. При всей разности подходов между ними есть принципиально общее. Связь «девочки и куклы» основана на экзистенциальной, возрастной, социальной «незавершенности» участниц игры: кукла больше, чем предмет, а девочка меньше, чем женщина. В игре осуществляется потенциальная завершенность: кукла как бы оживает, а девочка как бы становится взрослой женщиной. В этом «как бы» – отражение магических представлений о кукле как предмете для ритуальных действий и обрядовых практик. Участницы игры в куклы растворяются в придуманных ролях и воображаемых образах.

Описание девочки с куклой – устойчивый мотив в культуре. Коннотации данного мотива разведены по разным эмоциональным и семантическим полюсам – от невинного любования до сексуального желания, от сладкой грезы до приземленной реальности, от эстетического наслаждения до потребления. Этот диапазон сужается в текстах для детского чтения: набор мотивов ограничен, а толкования не выходят за пределы общепринятых истин. Ограничения и упрощения образа искупаются богатством житейских и психологических деталей. Статус события в текстах для детей получают бесценные «мелочи жизни», будь то именины куклы или шитье кукольной одежды. Простота историй для детского чтения осложняется взрослой рефлексией над принципами воспитания.

Судьба куклы-персонажа тесно связана с историей куклы как предмета для детской игры, украшения интерьера и демонстрации моды. Длительный период создания и производства кукол дает для этого обширный материал, в отношении отечественных кукол мало исследованный. Кукла представляет собой уменьшенную копию человека, и все развитие кукольного производства было направлено на то, чтобы сделать эту копию достоверной. Тело, лицо и одежда мануфактурных, а после фабричных кукол несли информацию о материально-предметном и социальном мире. Носителями информации служили многочисленные аксессуары для кукольной игры (мебель, посуда, белье), копировавшие предметы домашнего обихода. Кукла являлась частью предметно-бытового мира, а кукольное хозяйство – его зеркальным повторением. О «зеркальной» функции игрушек писал знаток и собиратель игрушки Н. Бартрам: «Игрушка всегда была „зеркалом жизни“, и старинные игрушки, отра-

жая на себе свое время, быт, их окружавший, – дают возможность подойти с совершенно еще новой, незатронутой стороны, к интимной жизни прошлого, образно характеризую его и в общем, и в мелочах»¹.

Дамы в гостиной занимаются рукоделием и воспитанием детей. Заботы о грудном ребенке доверены кормилице (литография П. Вдовичева, 1830–1840-е)

¹ Бартрам Н. «Музей игрушки» Наркомпроса // Ребенок и игрушка / Сб. ст. под. ред. Н.А. Рыбникова. М.; Л.: Гос. изд-во, 1923. С. 69.

Детская в дворянском доме объединяет детей разного пола и возраста (литография П. Вдовичева, 1830–1840-е)

Первые книжные издания, посвященные куклам, увидели свет в середине XVIII века одновременно с распространением кукол в европейском досуге. Тогда же появились первые выпуски картонажных кукол с наборами сменных нарядов². Куклы предметные и печатные были в равной степени дорогим и малодоступным удовольствием. Поэтому героинями первых кукольных историй стали юные аристократки и дочери крупных негоциантов – настоящие обладательницы кукольного богатства.

Расширение мануфактурного, а затем фабричного производства во второй половине XIX века привело к распространению кукол в играх детей из разных социальных слоев. В обиходе ребенка женского пола из состоятельной семьи было до двух-трех десятков кукол различного типа и размера. Общепринятой практикой стала традиция дарить девочкам кукол на именины и Рождество, такой подарок считался приличным в буржуазной среде. Из забавы аристократов кукла превратилась в игрушку для детей среднего класса. Но и в этом качестве она продолжала сохранять вид респектабельной игрушки, что льстило ее обладателям. Значительно доступнее стали издания детских книг и бумажных кукол, адресованные детям «образованных» сословий. Соответственно, изменились героини кукольных историй – ими стали девочки из буржуазных семей среднего достатка. Кукла этого времени органично вписалась в домашний мир немецкого бидермайера и французской Второй империи, и именно этот период считается золотым веком куклы. Вторая половина XIX века стала временем распространения кукольного шаблона (в производстве кукол и их изображении в литературе), рассчитанного на вкусы широкой публики.

² В 1791 году немецкий журнал *Jornal des Luxus und der Moden* поместил сообщение о новинках из Лондона – картонных куклах с набором одежды. По образцу английских картонажей были созданы куклы немецкого производства (Müller H.F. «Isabellens Verwandlungen oder das Mädchen in sechs Gestalten» («Превращения Изабеллы, или девочка в шести образах»)).

Вручение ребенку фарфоровой куклы обставлялось взрослыми с торжественностью (Андреевская В.П. Записки куклы. Рассказ для маленьких девочек. СПб.: Ф.А. Битепаж, 1898)

Одновременно с демократизацией кукол в конце XIX века продолжалось производство дорогих и очень дорогих игрушек: появились модели кукол, которые могли «говорить» и «ходить», совершать движения частями тела. «Оживление» кукол оказалось возможно бла-

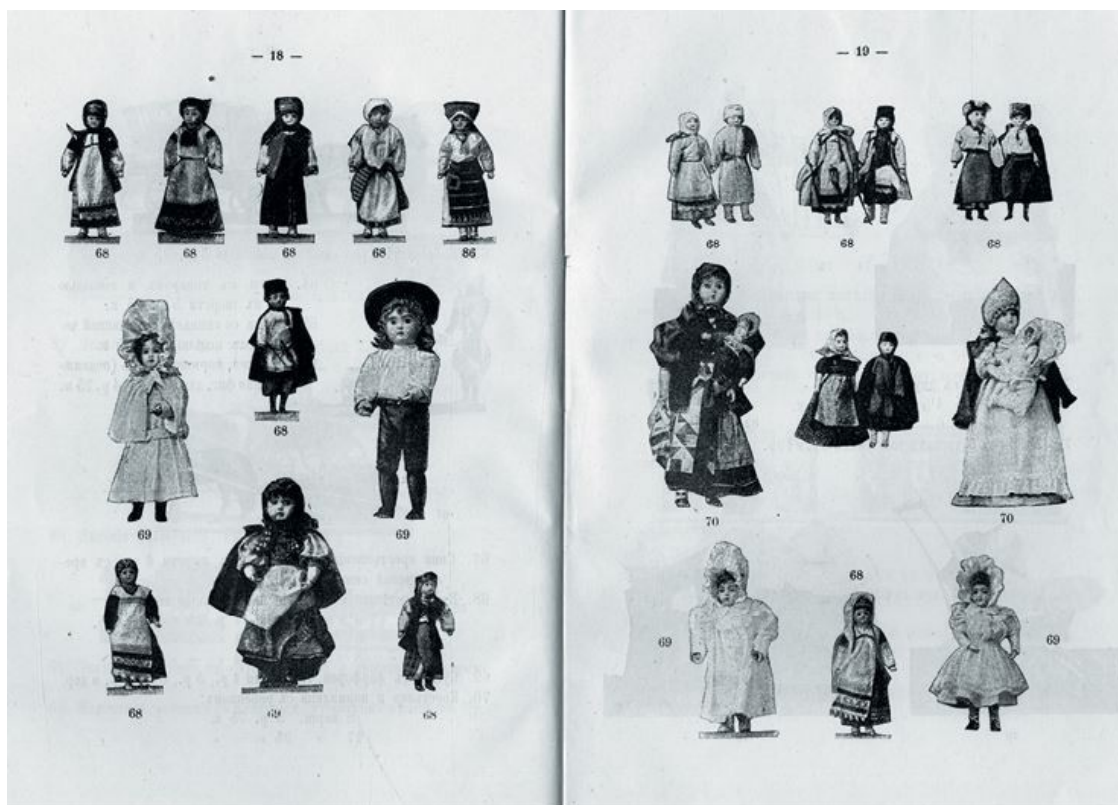
годаря использованию новых технологий и материалов. В создании кукол начали принимать участие модные дизайнеры и профессиональные художники. Некоторые из изделий поражали сходством с живым ребенком, другие впечатляли художественным изяществом. Куколки аристократов XVIII века казались пустячными поделками рядом с игрушками детей финансовых магнатов и крупных фабрикантов начала XX века. Элитарность, всегда отличавшая эту игрушку, стала еще заметнее в эпоху кукол для всех.

Элитарность куклы остро ощущалась в русском быту, поскольку привезенные из Европы изделия были дороги и малодоступны, а собственного производства фарфоровых кукол в России не было. Название «парижская» или «французская» кукла стало типовым названием дорогой игрушки (оно сохранялось и русскими производителями). О дороговизне «настоящей» куклы свидетельствует факт из воспоминаний Анны Керн, семья которой принадлежала к среднепоместному дворянству. Бабушка предложила внучке выбрать в качестве подарка куклу из французского магазина или деревню (события происходили в 1800-е годы). Выбор девочки был предreshен: вместо «обычной» деревни она выбрала необыкновенную куклу. Три-четыре десятилетия спустя ситуация изменилась: у девочек из состоятельных семей появилось много разнообразных по типу и стоимости кукол. По свидетельству одной из жительниц Петербурга середины XIX века, в детской дворянской девочки находилось около двух десятков кукол. Но игрушек из дорогих магазинов в этом наборе было мало. В ситуации малой доступности презентация куклы в книжных изданиях для детей была особенно значима. Литературные истории о «настоящих» куклах приоткрывали для русского читателя заманчивый мир дорогих игрушек и богатых детей.

Образ куклы в литературе для детей создавался с непрерывной оглядкой на предметные реалии. Прототипы стояли на полках игрушечных лавок и в витринах модных магазинов, их привозили из заграничных вояжей. Это были куклы мануфактурного, а позднее фабричного производства, разнообразные по материалам и типажам, одетые и не одетые (с предметами для шитья). Вместе с куклами на прилавках магазинов выставлялась кукольная продукция: мебель, посуда, одежда, аксессуары. Вот пример описания кукольного раздела из каталога столичного магазина игрушек последней трети XIX века:

1. Куклы: не одетые, деревянные, резиновые, фарфоровые, ватные – одетые в костюмы разных профессий и национальностей.
2. Обстановка кукол: гостиная, спальня, кухня, ванная, прачечная, купальня, дом, ферма, магазин, станция.
3. Обиход куклы: посуда чайная, столовая, кухонная, принадлежности туалета, кабинета, ванной и т. д.³

³ Литвинский П.А. Систематический указатель игрушек, занятий и игр. СПб.: тип. В. Киршбаума, 1890. С. 8.

Образцы кукол (Каталог изданий и изделий магазина «Детское воспитание»; нач. XX в.)

Купить все это богатство можно было в магазинах игрушек обеих столиц. Магази́нная торговля куклами стала налаживаться в России во второй половине XIX века. В Петербурге «парижскими» куклами торговали в Гостином дворе. Самый крупный гостинодворский магазин принадлежал С.И. Дойникову, предлагая большой выбор кукол разного производства. Кустарными игрушками торговали в лавках Апраксина двора. В последней трети XIX века в Петербурге появилось много магазинчиков, владельцы которых (часто дамы) содержали мастериц, занимавшихся обшиванием заграничных кукол и изготовлением для них приданого. Известно, что куклы с приданым продавались в петербургских лавках В.Р. Жуковской, Е.Ф. Николаевой, Н.А. Вороновой и др. Предлагаемые изделия отличались изяществом и были отмечены дипломами на Выставках игрушек⁴. Дешевых кукол выставляли перед входом в игрушечную лавку, привлекая внимание гуляющих детей. Дорогие куклы демонстрировались в красочно оформленных витринах. По праздникам витрины крупных магазинов представляли собой сцены из кукольной жизни с большим количеством персонажей и аксессуаров. Магази́нные куклы продавались в нарядных коробках с отделениями для кукольного приданого или в украшенных бантами и кружевом подарочных корзинах. Указание магазина и адреса, где приобретена кукла, служило верной характеристикой типа игрушки и ее стоимости. Фраза «кукла с Невского проспекта» говорила современникам о многом.

Выбор игрушечной продукции был намного скромнее в провинции: барышни наравне с дворовыми девочками играли самодельными или кустарными игрушками, купленными на ярмарках. Особой популярностью пользовались куклы-тали́и, одетые на манер модниц в

⁴ На Первой Всероссийской выставке детских игрушек в Петербурге в 1890 году дипломами были отмечены куклы, выставленные магазинами В.Р. Жуковской, С.И. Дойникова, Е.Ф. Николаевой, Н.А. Вороновой, а также игрушки фирмы «Шварцкопф Арнольд и К.» (Паровая ф-ка, Москва).

платье и шляпки⁵. Фигурка такой куклы выточена из дерева, а лицо выполнено из мастики. Куколки под названием скелетки, представлявшие собой деревянные фигурки, закрепленные на дощечке, продавались без одежды – девочки сами придумывали им разнообразные наряды. Большое количество кустарных кукол продавалось на базарах во время Вербной недели, куда приходили за игрушками дети разных сословий.

В дворянских усадьбах предметы для кукольной игры изготавливали домашние мастера, и некоторые из этих изделий можно назвать настоящими произведениями искусства (кукольная мебель, кухни, наряды и т. д.). Но в литературе упоминаний об этих замечательных предметах нет. Издатели предпочитали описывать кукольную продукцию столичных магазинов – продававшиеся там модные куклы соответствовали литературным типажам и сами служили образцами для них.

С модных кукол срисовывались фасоны нарядов, модными моделями определялись стандарты кукольной красоты, формы игрушечного тела и стиль прически. Натурализм в описаниях игрушки авторы детской литературы объясняли стремлением быть «правдивыми». Часто такое объяснение служило оправданием литературной неумелости, но причина появления «натуралистических описаний» не только в этом. Авторам и издателям приходилось учитывать интерес детей к куклам, их пристальное внимание к мелочам и деталям в образе игрушки. Книга использовалась как приложение к игрушке и детской игре. Этому же способствовали производители игрушек: они выпускали брошюры с рассказами про кукол своей торговой марки⁶. Печатались также книжечки для «чтения» куклам, журналы для кукол, кукольные альманахи и т. д.⁷

На страницах изданий наряду с описанием кукол сообщалась информация о нарядах, модных сочетаниях цветов, стильных фасонах, прическах и изысканных аксессуарах, ведь модной деталью выходного наряда девочки была и сама кукла. В эпоху малой распространенности модных журналов книжный текст служил источником утилитарной, но значимой для читательниц информации. Не является случайным совпадением, что сочинители кукольных историй были одновременно издателями модных журналов (как, например, немецкий писатель и издатель Ф.Ю. Бертух). Достоверностью отличались также изображения нарядов на иллюстрациях в детских книгах. Интерес к подробностям туалета противоречил поучающему характеру изображения: премиленькое платье и модная шляпка надеты на героиню дурного нрава. Однако стремление наглядно представить модные тенденции пересиливало необходимость назидать.

Мир модно одетых кукол продолжал манить и тогда, когда информация о модах стала более доступной. О неспадающем интересе к модным куклам свидетельствовали рост их производства и организация выставок. С конца XIX века такие выставки становятся регулярными. Так, на выставке 1912 года, проводившейся в Лейпциге, выставлялись среди прочего кукольные дамы-спортсменки, а также дамы-модели. Каждая деталь их наряда, по свидетельству корреспондента, вызывала у публики огромный интерес и становилась предметом обсуждения. Куклы были «в шикарных черных бархатных костюмах с меховой опушкой, с остроконечными шапочками на модных прическах и в высоких коричневых ботинках с крохотными коньками в руке. Здесь же мы можем любоваться роскошными туалетами, сработанными по последней парижской моде, которые могут даже служить моделями. Стоит упо-

⁵ Куклы-талии выставлялись в отделах кустарной продукции (Выставка игрушек в Санкт-Петербурге. СПб., 1890).

⁶ Игрушечный набор «Сонина кукла», произведенный фирмой «Детское воспитание», состоял из корзины с куклой, несесера, материала для шитья и книжки под таким же названием.

⁷ Малоформатный журнальчик «Куколка» выходил приложением к журналу «Светлячок» (редактор А.А. Федоров-Давыдов) в 1908–1909 годах. Образцом для кукольных журналов послужили такие немецкие издания, как «Die Puppenwelt. Eine neue Bilderlust für kleine Mädchen. Nürnberg, 1844» («Кукольный мир. Новые забавы в картинках для маленьких девочек. Нюрнберг. 1844»).

мянуть о лиловом бархатном платье декольте, вышитом бисером, с серой легкой накидкой и о светло-зеленом шелковом платье, заложённом красивыми складками и украшенном штофными розочками, – характерная мода этого сезона»⁸. Не менее привлекательными казались интимные предметы нарядов игрушечных дам⁹. В описаниях кукольных мод (в том числе в профессиональных журналах для модельеров и игрушечников) использовались литературные клише, заимствованные из массовых изданий. На протяжении двух столетий кукла, мода и детская книга существовали в тесной взаимосвязи.

История куклы отразилась в смене кукольных образов, созданных в литературе. Героинями изданий XVIII века были куклы, произведенные в знаменитых мастерских Нюрнберга. Головки и ручки-ножки кукол этого времени делались из воска или папье-маше, тела шились из лайки и набивались отрубями. На смену им в середине XIX века пришла кукольная классика, производившаяся на французских и немецких мануфактурах: головка из фарфора и тонкая прорисовка аристократического лица свидетельствовали о сословной культуре тех, кому эти куклы предназначались. Конец XIX – начало XX века характеризуется роскошью пышных кукольных форм и броской внешностью фабричных кукол, что стало признаком наступающего демократизма. Затем последовала эпоха революционного авангарда 1920-х годов, с ее резкими чертами деревянной куклы, простонародной или самодельной. Ее сменил период резиновых заводских болванок, выносливых в условиях военного и послевоенного времени. Далее в обиход вошла пластмассовая и целлулоидная неоклассика кукол советской эпохи 1960–1980-х годов. На смену советской эпохе приходит политическая и экономическая перестройка с лицом Барби. Смена кукольных образов запечатлевается в литературе и в памяти современников как эпохальное событие (с положительными или отрицательными коннотациями).

Как бы ни менялись идейные взгляды и художественные позиции, кукла оставалась воплощением представлений о женской красоте и девичьей привлекательности, служила идеальным образцом модного и телесного, а имплицитно и сексуального. К кукле относятся слова: «детские игрушки, при всей своей хрупкости, отличаются долговечностью, являются как бы живым воплощением присущей нам всем мечты о вечной весне»¹⁰. В свою очередь кукла участвовала в создании семантики женских и девичьих образов в жизни, культуре и моде: одни из них бледны, словно «восковые», другие прельщают свежестью «фарфора», третьи кажутся грубовато «деревянными», а четвертые напоминают о дешевизне «пластмассы».

Между куклой-изделием и куклой-персонажем существует немалый зазор. Популярная игрушка не всегда оказывалась персонажем литературы или становилась им в другую эпоху либо оставалась не замеченной вовсе. Была среди персонажей и кукла-фаворитка, господствовавшая во все литературные эпохи. Ею стала дорогостоящая кукла из воска или фарфора, представлявшая модно одетую даму. Такие куклы, созданные для детской игры, одновременно служили для демонстрации наряда, стиля жизни и социального статуса ее обладателей. С дорогими куклами девочки являлись на детские праздники и светские рауты, выходили на прогулки в парки и на бульвары. С куклами в руках дети позировали художникам, а позднее фотографам¹¹. Дорогая игрушка демонстрировала социальные возможно-

⁸ Игрушечное дело. 1913. № 3. С. 13. Даже обувь для куклы соответствовала модным тенденциям («Розетки и банты уступили место большим пряжкам, которые выглядят красивее и гораздо лучше подходят к современным платьям» – там же. С. 18).

⁹ «Наконец куклу начинают одевать как маленькую светскую даму. Сначала надевают обшитую кружевом сорочку, изящные вышитые панталоны, надушенную юбочку, ажурные чулки и башмачки, смотря по назначению куклы, выездной туалет, спортивное платье или костюм для гулянья» (Игрушечное дело. 1913. № 4. С. 17).

¹⁰ Огонек. 1899. № 4. С. 30.

¹¹ Об этом свидетельствует факт появления кукол на фотографиях девочек из буржуазных семей конца XIX – начала XX

сти семьи, была материальным эквивалентом любви взрослых к ребенку. Демонстрационные функции кукла-дама выполняла и в детской игре, где она служила образцом женской красоты, респектабельности и модного изящества. Считалось, что такая игрушка, подобно скульптуре или картине, способствует развитию художественного вкуса у детей¹². Восковые и фарфоровые дамы царили в детских комнатах и в детских книгах, где они изображались любимцами детей и предметами их страстных мечтаний.

Однако литературные предпочтения расходились с житейскими практиками. В быту девочек от трех до четырнадцати лет дорогая кукла не была единственной и тем более любимой игрушкой. Сошлемся на документальное свидетельство начала XX века – периода относительной доступности кукол: «У нас было три сорта кукол: 1) „большие“, это покупные куклы с фарфоровыми или мастичными головками, 2) „средние“, сделанные самими или кем-нибудь из старших сестер и братьев, куклы из твердой бумаги с головками и лицами с наклеенных картинок... 3) „маленькие“, сделанные из бумаги самими нами»¹³. По свидетельству мемуаристки, они с сестрами любили играть в детстве со «средними» и «маленькими» куклами: эти игрушки подходили для игрушечных домиков и городков, которые они сооружали. С мнением девочки из буржуазной семьи среднего достатка были согласны дети дворянской и чиновничьей элиты – они тоже предпочитали играть с куклами попроще. Причин тому можно назвать несколько. Прежде всего – хрупкость куклы и ломкость деталей из воска или фарфора. Игра с бьющейся игрушкой предполагала осторожность, граничащую с пietetом и страхом. Подставка, надежно закреплявшая куклу на железном штыре, затрудняла манипуляции с куклой, ограничивала контакты с ней. Мешали в игре и большие размеры игрушки. Носить на руках «аршинную» куклу утомительно, а таскать по полу – предосудительно. Помехой для ребенка были пышные наряды куклы, усложненность гардероба, составленного из множества деталей. Особенное неудобство причиняли шляпы с перьями – обязательный аксессуар костюма куклы-дамы. Эстетика дорогой игрушки, с тонкой прорисовкой лица и изысканной прической, была больше рассчитана на вкусы взрослых, чем на симпатии детей¹⁴. Взрослыми же диктовались правила игры с куклой: гувернанткам вменялось в обязанность присутствовать при игре, да и родители не выпускали из глаз дорогое изделие¹⁵. Ограничения в игре приводили порой к детским бунтам, когда девочка демонстративно отказывалась играть с подаренной ей куклой, и примеров таких бунтов против кукол не мало. Игры с кустарными и бумажными куклами отличались большей свободой и разнообразием. С ними можно было заниматься тайком от родителей и воспитателей, пряча под передник, в парту или в учебную книгу.

века. Игрушке отводилось почетное место рядом с ребенком. Известны примеры, когда фотографии наводили фокусировку на головку куклы, а не на лицо ее обладательницы.

¹² «Картины, игрушки и платья, предназначенные ребенку, должны по возможности способствовать развитию вкуса» (Гейфельдер О. Детские игры // Учитель. 1861. № 24. С. 990).

¹³ Ребенок и игрушка / Сб. ст. под ред. Н.А. Рыбникова. М.; Л.: Гос. изд-во, 1923. С. 57.

¹⁴ «Утонченность игрушечного фабричного производства за последние десятилетия не находит себе оправдания в требованиях самой детской психики. И действительно, нам часто приходится видеть, что у детей пользуются предпочтением наиболее простые игрушки перед самыми дорогими и сложными» (Аносов А. Интереснейшие рождественские подарки // Весь мир. 1910. № 43. С. 24).

¹⁵ «Мы играли только по праздникам: по приказанию отца гувернантка в праздник нас оставляла в покое, мы широко дышали в эти дни полной грудью» (Румянцев К. О куклах (к психологии игры в куклы) // Ребенок и игрушка / Сб. ст. под ред. Н.А. Рыбникова. М.; Л.: Гос. изд-во, 1923. С. 56).

Картонажная кукла с набором одежды и аксессуаров (надписи на англ., фр., нем. и рус. языках; вт. пол. XIX в.)

Однако фактом культуры и литературы стала дорогая, громоздкая и неудобная для детской игры фарфоровая кукла-дама. То, что мешало в игре (хрупкость, неудобные размеры, сложность гардероба, высокая цена), стало привлекательным в искусстве и публицистике. Обладание куклой имело статус событийности, прерывавшей череду типичного и обыденного. Претенциозность фарфоровой игрушки уводила за пределы житейской прагматики, а сходство с человеком служило основой для литературного мифотворчества или педагогического воздействия. Игрушка «не для всех» была индикатором социальных потребностей, материальных возможностей и сословных амбиций. Эти же качества делали куклу «девочкой для битья» в различные этапы русского демократического движения.

Авторами первых кукольных историй были европейские издатели, педагоги и писатели конца XVIII века. «Детская библиотека» Иахима Кампе, «Друг детей» Жозефины Вейсс и Арнольда Беркена, сборники рассказов Жан-Николя Буйи, повести для детей мадам Жанлис и Марии Эджеворт на протяжении столетия пользовались непререкаемым педагогическим и читательским авторитетом¹⁶. Из этих произведений, разнообразных по жанрам, составилась интернациональный свод сюжетов для детских сборников и периодических изданий. В России он послужил основой для создания отечественной литературы для детей. Истории про кукол занимали в ней не последнее место. В изданиях XVIII века куклы фигурировали в каче-

¹⁶ Автор выражает благодарность О.Б. Полещук за безотказную помощь и профессионализм в переводе иностранных текстов.

стве поучительного примера, часто отрицательного: бездушная кукла противопоставлялась человеку. Противопоставление живого и бездушного стало устойчивым мотивом в духовно-назидательной литературе¹⁷. Впрочем, отрицательная оценка куклы не снижала интереса к изысканной игрушке. Филантропы и просветители оставили нам самые подробные описания кукол и их нарядов. Свой вклад в литературную историю куклы внесли и русские авторы: они переводили иностранные тексты, переделывая их на свой лад. Вольные пересказы становились таким же отечественным «изделием», как и французская кукла, обшитая в русских мастерских¹⁸.

Значительная часть кукольных историй находилась в стороне от большой литературы. Их авторы сделали себе имя в журналистской, издательской или педагогической среде, выступая моралистами и блюстителями нравов. Часто истинными «хозяевами» литературных текстов были издатели, хорошо знавшие запросы публики и бесцеремонно диктовавшие писателям «правила игры». Авторы и издатели ориентировались на воспитательные и досуговые практики детей из «достаточных» («образованных») сословий, так как достаток и образование позволяли приобретать книги и игрушки, нанимать гувернанток для занятий с детьми. Сословный характер изданий диктовал выбор тем, набор персонажей и манеру общения с читателем. «Детский писатель должен подчиниться следующим правилам: каждая мысль его должна быть верная и удобопонятная для детей, должна быть выражена приятно и заманчиво для воображения, которое беспрестанно ждет нового и, наконец, должна быть способна убедить ребенка, чтобы заставить его поступать так, как сказано»¹⁹. Стремясь выразиться «приятно и заманчиво», авторы текстов для детей воспроизводили стиль общения с ребенком, принятый в дворянской детской («нянюшкин» тон, уменьшительно-ласкательная лексика, наставительные интонации и т. д.). Естественное в речевом обиходе выглядело нарочито сентиментальным в печатном тексте, но своего языка у русской детской литературы XVIII – первой половины XIX века не было. Несмотря на литературную несамостоятельность, русские издания для детей помогали осваивать культурные формы общения с ребенком и корректировали стиль Домостроя, царивший в русском семейном быту.

Рассказы о девочках и их куклах считались увлекательным и полезным чтением. Современники полагали, что «читать их похождения, значит, как бы видеть оные в действии»²⁰. Кукольные истории наставляли, как лучше и полезнее проводить досуг, подсказывали «правильные» сюжеты для игр, учили бережному отношению к дорогой игрушке, давали на примерах кукол азы гендерного, сословного и духовно-нравственного воспитания. Литературные тексты транслировали не только религиозно-этические идеи и просветительские образцы, но также житейские суеверия и сословные предрассудки (их хватало в избытке у самых просвещенных авторов).

Первоначальный корпус кукольных историй составил из произведений назидательных жанров (рассказов, повестей, бесед, притч и аллегорических сказок), ставших нравственным чтением для всех членов семьи. Притчевая природа обеспечивала нравоучительным текстам долгую жизнь, а содержащиеся в них наставления отвечали «вечным» задачам воспитания. Писатель-моралист XVIII века утверждал: «...я думаю, что ничего нет прият-

¹⁷ «Ужели всесильный, всеблагий отец хотел сделать из нас игральные куколки?» – восклицал А. Радищев в трактате «О человеке, о его смертности и бессмертии».

¹⁸ Обычной практикой был перевод детской книги не с оригинала, а с издания-посредника («вольный перевод с английского на французской, а с французского на российской»). Это увеличивало дистанцию между текстом русского издания и европейским оригиналом.

¹⁹ Переписка ученицы с наставником. Статьи для переводов. Издала Екатерина Бурнашева, классная дама при Николаевском сиротском институте. СПб.: тип. Д.И. Калиновского, 1861. С. 98.

²⁰ [Беркен А.] Лидия де Жерсин, или история осьмилетней англичанки, служащая к наставлению и увеселению малолетних девиц. Вольный перевод с английского на французский, а с французского на российский. СПб.: тип. И. Крылова со товарищи, 1784. С. 4.

нее, как видеть детей хорошего поведения, с ревностью исправляющих свои должности, и кои при том умеют забавляться, не нанося своими забавами другим беспокойствия»²¹. О том же самом радели издатели последующих эпох. Они использовали готовый нравоучительный материал, не стремясь к сюжетной новизне, зато живо откликнулись на реалии повседневного быта и моды, стараясь быть интересными в житейских подробностях. Это сближало кукольные истории с бытовой повестью, богатой «натуральными» деталями и тоже назидательной.

Своей литературной славе кукла обязана культуре романтизма, в которой детская игрушка впервые предстала живой. Назидательная и просветительская традиция отказывала кукле в жизни, считая чем-то предосудительным детское воображение, оживляющее игрушку. Первые переводы на русский язык сказки Э.Т.А. Гофмана «Щелкунчик и мышиный король» содержали множество наставительных оговорок: малолетних дворянок убеждали в том, что кукла не может думать и говорить, а девочке из хорошей семьи неприлично давать волю своим фантазиям. Романтизм «оживил» куклу и провозгласил право ребенка на воображение. Со временем ожившие куклы стали типичными персонажами детских книг, но без «страстей» и «крайностей», присущих литературе романтизма.

Увлечения романтиков куклой разделяли защитники женских прав, заявившие о себе в публицистике и романистике 1840–1850-х годов. Историк и публицист Ж. Мишле, произведениями которого зачитывались в России, в трактате «Женщина» описал привязанность девочки к кукле как сильное, страстное чувство («страсть к кукле – страсть серьезная, с нею не следует шутить»). Он рассказал драматическую историю девочки, для которой кукла стала единственной утешительницей. «Страстно, горячо любила она эту куклу; та отвечала ей и разговаривала с ней самым нежным голоском». Неприязнь окружающих привела к тому, что девочка лишилась своей куклы. В этом сюжете реализуется романтическое противопоставление мечты и грубой реальности. «Столько раз обманутая в своих мечтах, она отчаялась в жизни, едва вкусив ее. Она умерла, возбудив глубокое сожаление во всех, кто знал ее, кроткое, невинное создание, такое несчастное и в то же время такое нежное и любящее»²². Восторженную страсть к кукле переживала и маленькая Козетта, героиня романа В. Гюго «Отверженные».

Пока авторы-романтики поэтизировали женские страсти и привязанности, авторы назидательных историй призывали к соблюдению гендерных ограничений и патриархальных норм. Свои наставления они помещали в изданиях, имевших четкую гендерную направленность: зеркала для девиц, отцовские наставления дочери, беседы матери с дочерьми, повести для девиц, рассказы для девочек и т. д. Некоторые произведения назидательного характера были кодифицированы как учебные тексты, обязательные для чтения в казенных стенах женских воспитательных заведений. В институтах Ведомства императрицы Марии воспитанницам надлежало читать «Отеческие советы моей дочери», написанные известным немецким педагогом Иоахимом Кампе²³. В семейном кругу «нравственную беллетристику» родители читали вместе с детьми. Старшие члены семьи черпали в изданиях для детей советы по воспитанию, а также проверяли содержание книг, предназначенных детям. Особо строго контролировалось девичье чтение (читать «для себя» девочкам разрешалось с 13–

²¹ Там же.

²² Мишле Ж. Женщина. Одесса: А.С. Великанов, 1863. С. 99–100. Мишле описал три типа кукол, принадлежавших несчастной малютке: самодельно пошитая, немецкая деревянная и фарфоровая французская (типовой набор кукол для девочки среднего достатка).

²³ В институтах благородных девиц в классах читали книгу «Отеческие советы моей дочери» И. Кампе, переведенную с немецкого Григорием Яценковым (СПб., 1801–1804). В 1813 году она была заменена книгой «Нравоучение для благородных воспитанниц Общества благородных девиц и института ордена Святой Екатерины», составленной по произведениям Кампе Иаковом Воскресенским.

14 лет)²⁴. Возрастные ограничения искупались привилегиями детства: в книгах для девочек допускалась игра с нормативами женского поведения, чего не позволялось в литературе для барышень (в ней господствовали требования приличия и этикетности).

К разряду гендерной литературы относятся «записки куклы» – литературно-издательский формат, где в роли повествователя выступает кукла. Хотя «Записки куклы» предназначались для девочек, их читателем мог быть кто угодно. Необычайная популярность «записок» в течение всего XIX века выделяет их среди прочих изданий. Тематика кукольных «записок» не ограничивалась игровым досугом. Большое место в них занимали вопросы, связанные с обучением шитью и рукоделием, отношением к одежде и моде. Поначалу этими вопросами ведали моралисты мужского пола – они брались за перо, составляя отеческие наставления для девиц. Но потом кукольной тематикой завладели дамы-писательницы. Они со знанием дела описывали предметно-материальный мир «маленьких женщин», не боясь упреков в пристрастии к бытовым мелочам.

Картинки из жизни дворянских девочек. Ребенок, не приученный к порядку, не допущен к играм и занятиям. Дети одеты в модные платья с элементами русского костюма. Лошади и охотничьи собаки на заднем плане маркируют мир мужских занятий (Дараган А. Елка. Подарок на Рождество. Азбука с примерами постепенного чтения. СПб.: тип. Вт. отд. Его Имп. Величества канцелярии, 1846)

²⁴ Своевольный выбор книг ранее дозволенного возраста был наказуем. Софья Ковалевская вспоминала: «...можете себе представить, мне, большой двенадцатилетней девице, мне, которая за несколько минут пред тем переживала с героиней прочитанного укрادкой романа самые сложные психологические драмы, мне приходится пойти и стать в угол, как малому неразумному ребенку» (Ковалевская С.В. Воспоминания детства. Нигилистка. М.: УРСС, 2004. С. 52).

Назидательно-гендерный формат – один из литературных «нарядов» куклы. Куклу описывали в мемуарной прозе, где она – любимый друг детства или, напротив, напоминание о тяжелых переживаниях. В реалистических очерках и повестях для детского чтения кукла репрезентировала материальные и общественные контрасты, характерные для многоярусного с социальной точки зрения русского детства. В сказках эпохи романтизма с ее оппозицией «светского» и «естественного» образы девочки и куклы сопровождалась целым веером коннотаций – от отрицательных до восторженных. В культуре Серебряного века поэтизировалась игра девочки с куклой, а сама кукла воплощала хрупкость и бренность красоты, обреченной на поругание.

На фоне сменяющихся художественных направлений назидательные истории для девиц сохраняли свою жанровую и идеологическую неизменность. В течение нескольких культурных эпох они транслировали традиционные представления о должном применительно к воспитанию представительниц женского пола. Роль назидательных текстов для юношества была не столь значима (мальчики подвергались воспитательной дрессуре в учебных заведениях). В жизни девочек, обучавшихся, как правило, в домашних стенах, гендерное чтение играло важную роль. Куклы и нравоучительные книги являлись «учителями жизни» малолетней дворянки. То, что детская игрушка репрезентировала предметно, в детской книге выражалось словесно. Устная и письменная артикуляция нравственных нормативов была общепринятой воспитательной практикой. В книгах, надписях, записках и письмах детям «проговаривались» правила общежития, религиозные наставления и многочисленные запреты. Согласно установленным в обществе нормам утверждалось, что куклы нужны девочкам для освоения женских умений (шитья и рукоделия), репетиции будущих женских ролей, воспитания хорошего вкуса, умения одеваться и соблюдать красивую осанку. Значение этих норм в назидательных текстах мифологизировалось: их соблюдение гарантировало женщине благополучие от рождения до могилы. Нарушение же трактовалось либо как детская глупость, допустимая в силу возраста, либо как проявление врожденной или привнесенной плохим воспитанием порочности, либо как осознанный протест. Для каждого из этих вариантов существовал свой набор литературных сюжетов и типовых персонажей. Их развязка всегда была предрешена – малолетние выросли, порочные исправлялись, протестующие смирялись или умирали в раскаянии.

Героинями «записок» были восковые или фарфоровые куклы, представлявшие типичных для своего круга дам среднего достатка. Достаток в литературе для девиц трактовался как возможность реализовать истинное предназначение женщины: подчеркивать достоинства мужа, быть хозяйкой дома и доброй матерью. Поэтому в «записках» не идет речь о куклах в образе балерины или актрисы. Такие куклы производились и охотно покупались, но персонажами нравственных нарративов они не стали. История восковой балеринки или фарфоровой актрисы не могла служить жизненным примером для малолетней дворянки.

Для поучительных историй отбирались не только те или иные типы кукол, но и определенные виды детских игр с ними. Предпочтение отдавалось играм, отражавшим важнейшие события женской жизни (игра в свадьбу, в дочки-матери), бытовые сцены (визиты и приемы гостей, игра в доктора), а также женские занятия (обшивание кукол, игра в хозяйство). Зато любимые девочками игры в барыню и в принцесс оставались без внимания. Считалось, что эти игры развивают у детей тщеславие и желание повелевать – качества, которые полагалось искоренять в ребенке. В детских изданиях не нашлось места играм на основе литературных сюжетов. Казалось бы, эти игры должны были стать предметом особого внимания писателей, ведь многие матери поощряли своих дочерей разыгрывать прочитанное, да и самим девочкам это нравилось²⁵. Но для задач гендерного воспитания книжные сюжеты

²⁵ «Мама говорит, что все то, что мы видим каждый день вокруг себя, – гораздо занимательнее всяких игрушек. Впро-

были помехой, потому что отвлекали девочку от ее предназначения быть хорошей хозяйкой и разумной матерью. Веру в то, что игра с куклой напрямую связана с будущей судьбой девочки, поколебали ученые-психологи в начале XX века. Их исследования развеяли бытовые и литературные мифы, окружавшие игру с куклой. Однако к этому времени кукольные «записки», как и вся нравоучительная литература для девиц, являвшаяся главным источником мифотворчества, завершили свою историю.

Литературная история куклы создавалась на фоне бурных споров о назначении женщины. Особенно остро такие споры разгорелись во второй половине XIX века, в период обсуждения женского вопроса и эмансипации женщины. Публицистические, педагогические, а с конца XIX века и психологические издания писали о воспитании женщин и роли кукол в жизни девочек. Кто только не высказывался по поводу кукол и женского воспитания! Объем текстов, посвященных этим вопросам, намного превышает объем литературных историй, но не превосходит их в значимости. Те, кто играл в куклы, читал детские книги, а не публицистические комментарии к кукольной игре.

Этот очевидный факт послужил поводом для пристального прочтения кукольных историй. В отличие от «взрослой» публицистики и мемуаристики «детские» тексты оказались вне поля зрения отечественных исследователей. Между тем «записки куклы» – один из самых репрезентативных форматов в чтении «маленьких женщин» XIX – начала XX века. Русским читательницам из образованных сословий не представляло труда познакомиться с «записками» на французском, немецком или английском языках. Однако русские издания кукольных «записок» вносили национальный дискурс в отечественную гендерную культуру. Ее изучению посвящены современные работы российских и зарубежных исследователей²⁶. Истории женских текстов (дневников и меморатов) не обходятся без упоминаний о куклах, которыми забавлялись или от которых отказывались мемуаристки в детстве. Кукольная игра рассматривается исследователями как одно из средств гендерной дрессуры, назначение которой – подготовить девочку к вхождению в мир взрослых женщин. Этой же цели служат прочитанные в детстве кукольные истории. Но детская игра не сводится к дрессуре, а детская книга к дидактике. В пространстве игры, как и в пространстве литературы, сосуществуют контроль и произвол, норма и отказ от нее.

В предлагаемом читателю исследовании речь идет о литературной репрезентации мира «маленьких женщин» и их кукол. Оно основано на материале историй про кукол, опубликованных в России в конце XVIII – начале XX века. Некоторые из изданий, размещавших на своих страницах такие истории, посвящены утилитарно-житейским темам (шитье и рукоделие, культура одежды и культура тела, модное воспитание), другие – благотворительным практикам, третьи – собственно игровому досугу детей. Наиболее полно регистр девичьих тем представлен в «записках куклы». Это название не следует воспринимать как обозначение только конкретного произведения или одиночного издания. Речь идет о целом корпусе отечественных и переводных текстов, изданных в форме «записок», «дневников» и «переписок» кукол. К ним примыкает разнообразная беллетристическая литература, посвященная игре с куклой, а также издания практического характера (будь то «поваренная книга кукол»

чем, я и сама небольшая до них охотница. Единственные мои игрушки, это карточные куклы, дамы и кавалеры, и нравятся они мне потому только, что я представляю ими все то, что читаю: басню ли какую прочту или историю, тотчас наряжу своих кукол и они говорят и делают все точно так, как было в книжке. Теперь, сделавшись постарше, я выбираю для своих кукол только самые занимательные истории» (Дневник девочки / Соч. С. Буташевской; с предисл. И.С. Тургенева. СПб.: изд-во Н.А. Серно-Соловьевича, 1862. С. 134). Софья Буткевич (настоящее имя писательницы) игнорировала покупных кукол. И.С. Тургенев, назвавший «Дневник девочки» образцовой детской книгой, симпатизировал идеям писательницы.

²⁶ Полезными для автора были исследования И. Савкиной «Разговоры с зеркалом и Зазеркальем. Автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века» (М.: Новое литературное обозрение, 2007) и А. Беловой «Четыре возраста женщины. Повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII – середины XIX вв.» (СПб.: Алетейя, 2010).

или странички рукоделия в журналах для девочек). Тематика кукольных изданий определила принцип отбора материала и его деления на главы.

В кукольных «записках», как и во всей литературе для девиц, велика роль предметного мира. Утилитарному в них придается статус судьбоносного и духовно значимого (цвет наряда свидетельствует о нравственных наклонностях девочки, а вырез на платье определяет ее будущую судьбу). Говорящими являются детали одежды куклы, форма тела и выражение ее лица. Опыт культурологического изучения одежно-вещевой семантики в контексте русской литературы XIX века оказался успешным²⁷, однако на этом фоне материально-предметный мир детской и нравоучительной литературы остается *terra incognita*. Исследование предметно-вещевого мира кукольных историй – новый опыт в этой области.

При изучении текстов для детского чтения нельзя обойти проблему их рецепции. О восприятии текстов, предназначенных для детского чтения, мы знаем еще меньше, чем о куклах и детских модах. Этика патернализма, которой придерживались детские писатели XIX века, не позволяла им вступать в литературные дискуссии. Молчат и мемуаристки, ограничиваясь упоминанием отдельных изданий: чтение детской беллетристики считалось малозначительным фактом, недостойным упоминания в биографии. В действительности значение книжной нравственности для формирования поведенческих практик и жизненных стратегий женщин-читательниц было очень велико. Прочитанное в детстве влияло на выбор чтения дочерям и внукам. Некоторые из дам, помня свои читательские впечатления, сами брались за перо, чтобы написать продолжения полюбившихся в детстве книг. Таким образом, истории про кукол проходили через всю женскую жизнь, и это немаловажный факт гендерной биографии.

Обилие переводных изданий кукольных «записок» не должно смущать тех, кто интересуется преимущественно историей отечественной куклы и ее репрезентацией в русских книгах. Корпус переводных текстов для детского чтения получил многолетнюю прописку в русских семьях из образованных сословий. Переводы и пересказы кукольных историй свидетельствуют о важности предметов и понятий, которые принесла с собой модная кукла в русский быт и досуговую культуру XIX – начала XX века. Нарочитое подчеркивание иноземной природы куклы, ее чуждости русской жизни – не более чем полемический прием, к которому часто прибегали современники, но который не должен вводить в заблуждение исследователей.

Последнее издание «записок куклы» вышло в 1920-е годы, после чего фарфоровая кукла лишилась своего статуса в советской литературе для детей. Появились произведения о детях нового времени и новых игрушках, среди которых модной кукле не было места. Но вопреки идейным посылам, производственным практикам и жизненным реалиям продолжала жить мечта о дорогой, красивой и нарядно одетой кукле. О том, как эта детская мечта реализовывалась в реалиях советского быта и сталинской культуры (к ее элементам относится и детская книга), рассказывается в последнем разделе книги.

²⁷ Изучению семантики одежды в русской литературе посвящена монография Р.М. Кирсановой «Розовая ксандрейка и драдедамовый платок. Костюм – вещь и образ в русской литературе XIX в.» (М.: Книга, 1989 и ее переиздания).

Кукла в роли сочинительницы

Автором первых «кукольных записок» была французская писательница Луиза Ольней (Louise d'Aulnay, 1810–1891), писавшая под псевдонимом Юлия Гуро (Julie Gouraud). Ее книга «Мемуары куклы» («Mémoires d'une poupée») вышла во Франции в 1839 году²⁸. «Мемуары куклы» стали таким же типовым французским «изделием», как и сама фарфоровая кукла: их переводили, им подражали, их переделывали. В Германии были изданы «Мемуары берлинской куклы», а в Англии «Мемуары куклы», написанные от лица куклы-англичанки²⁹. Успехом пользовались кукольные «записки» и в России: в 1841 году в Петербурге вышло первое русское издание «записок» («Памятные записки куклы. Повести для маленьких девушек, взятые с французского В.К. Сомогоровым»), пять лет спустя появился новый перевод книги (Записки куклы / Пер. с фр. К.Е. Ольского. СПб., 1846). Через четверть века наблюдался всплеск переизданий «записок» (Записки петербургской куклы. СПб., 1872 (два издания); История одной куклы. М., 1878; Андреевская В. Записки куклы. СПб., 1898; она же. Кукла Милочка и ее подруги. СПб., 1911; Булгакова Е. Из дневника куклы. М., 1908), завершившийся изданием кукольных «мемуаров» в 1920-е годы.

Публикуя «записки», русские издатели не считали нужным упоминать имя французской сочинительницы. В результате мистификации авторства французская кукла и писательница-француженка стали для русского читателя словно одним лицом. Похожую мистификацию разыгрывали английские и немецкие издатели, помещая в своих книгах два предисловия: одно от лица издателя, а другое – от лица самой куклы (и опять же без упоминания имени создательницы). Подобная форма повествования не потеряла занимательности и тогда, когда юные читатели «записок» выросли и захотели перечитать их своим детям (об этом свидетельствовали новые издания «записок»)³⁰.

Привязанность сюжета «записок» к условиям французского быта и традициям воспитания не помешала популярности книг Л. Ольней за пределами Франции. В быту и светской жизни русские дворяне ориентировались на европейские образцы. Схожими в приличном обществе были требования этикета и поведения, а также нормы гендерного воспитания³¹. Общеευропейским типажам следовали также производители кукол, да и сама игрушка была интернациональным созданием – фарфоровые головки изготавливались в одной стране, образцы модной одежды заимствовались из другой, а обшивали игрушку в третьей.

Первыми читательницами «записок куклы» были дети из обеспеченных слоев французского общества (из семей аристократов, богатых негоциантов и крупных чиновников). Обладание дорогой игрушкой служило в этой среде маркером материального достатка и

²⁸ «Mémoires d'une poupée, contes dédiés aux petites filles, par Mlle Louise d'Aulnay Ébrard Livres. Paris: Ébrard, 1839» («Мемуары куклы, сказки для маленьких девочек»). Следующие издания выходили в 1840, 1843, 1845, 1854, 1857, 1860, 1890, 1892 годах).

²⁹ Среди европейских изданий «записок куклы» можно назвать: Gross A. von. Memoiren einer Berliner Puppe: für Kinder von fünf bis zehn Jahren und für deren Mütter. Leipzig: Baumgärtner, 1840 (2-е изд., 1844) («Мемуары берлинской куклы, для детей от пяти до десяти лет и их матерей»), «Schicksale der Puppe Wunderhold. Von A. Cosmar» (1839, 1864) («Приключения чудо-кукол. А. Космар»), «Neue Schicksale der Puppe» («Новые приключения куклы», ее же, 1839), «Puppe Wunderhold's Freundinnen» («Чудо-куколка и ее друзья», ее же, 1866, 1898), Maitland J.C. The Doll and her Friends, or, Memoirs of the Lady Seraphina (1-е изд., 1852; 2-е изд., 1868) («Кукла и ее друзья, или мемуары леди Серафины») и др.

³⁰ Немецкий издатель книги «Schicksale der Puppe Wunderhold» (1864) в предисловии пишет, что приложил немало труда, чтобы старинная история про чудо-куколку соответствовала требованиям современной читающей публики.

³¹ «Так как жизнь детей в так называемых „образованных“, зажиточных слоях общества проходила, когда бабушка была маленькая, почти одинаково и в Англии, и в Германии, и во Франции, и в России, то рассказ бабушки не утратил, конечно, значения и по отношению к юным русским читателям: то все, что переживали маленькие английские или французские дети, переживали и русские их сверстники и сверстницы» (Николаева М.Н. Когда бабушка была маленькая. Повесть для детей М.Н. Кладо (М.Н. Николаевой). СПб.; М.: изд-во М.О. Вольфа, 1908. Стр. не нум.).

социального статуса. Дети 6–12 лет – в этих возрастных границах девочке прилично играть в куклы – встречались на детских балах, именинах и праздниках, куда приходили со своими игрушками. Ограничения, которые накладывал на девочек пол и возраст, искупались свободой общения в кругу ровесниц, единством интересов, игр и книг. Взрослые поощряли такое поведение. Традиции детского сообщества были особенно развиты во Франции. Совместная игра детей ценилась так же высоко, как беседа между взрослыми людьми, поскольку в процессе игры девочки набирались светского опыта и закрепляли социальные контакты. «Маленькому женскому обществу», как оно именовалось в «записках куклы», и предназначала Л. Ольней свое издание («маленьким мужчинам» она посвятила другие книги, оказавшиеся менее востребованными).

«Записки куклы» написаны в традициях французских беллетристических изданий. Их отличали сюжетная новизна, разнообразие повествовательных приемов и легкая фронда по отношению к воспитательным догмам и светским правилам³². Чего стоило утверждение малолетней героини из повести графини де Сегюр (урожденной Ростопчиной) «Приключения Сонички»: «Я постараюсь исправиться, но слушаться – такая скука!»³³ Русские авторы и издатели предпочитали ориентироваться на немецкие моралистические издания, жертвуя занимательностью в пользу назидательности. Если в моде и развлечениях господствовал французский стиль, то нравственно просвещать детей нужно было «по-немецки». «Записки куклы» эту традицию потеснили, причем не только в русских изданиях для детей, но и в самой немецкой литературе. Переводчицей «записок» на немецкий язык стала популярная писательница Антония фон Космар (A. von Cosmar), она же была издательницей модных обзоров («Berliner Modenspiegel»).

Модным был и сам жанр литературных «записок». Изданные от имени великих или малых мира сего, записки (мемуары) выражали личный взгляд на историю и современность, открывали то, что оставалось за границами официально известного³⁴. Это могли быть «записки» реальной светской дамы или ее мнимой камеристки, известного литератора или его ученого кота³⁵ – важна была позиция наблюдателя, находящегося в пределах домашнего, интимного пространства. Таким наблюдателем детской жизни в «записках» Л. Ольней выступает кукла.

Повествование начинается с того, что мать собирается прочесть своим дочерям «нечто особенное». Чтение она предваряет словами: «Одна умная кукла выучилась писать и написала свои собственные записки». Столь фантастическое предположение, высказанное образованной дамой, оправдано тем, что чтение «записок» происходит во время рождественских праздников, с их атмосферой праздника и игры³⁶. Мистификация завершается в конце книги открытием, которое сделала девочка, хозяйка куклы: «Открыв ее письменный стол, я нашла несколько маленьких тетрадей, исписанных так мелко, что мне нужно было вооружить глаза

³² Русский издатель, сравнивая английские и французские книги для детей, с легким презрением относился к последним. «Книжка, которую мы называли „Добро и зло“, отличается теми внутренними достоинствами, которые встречаются только в английских книгах: строгая нравственность, логичная последовательность в изложении и ясность цели, с которою книга писана. Это не есть собрание отдельных случаев, которые могут забавлять читателей, не принося им никакой пользы, как находим мы, почти без исключения, в французских детских книгах» (Добро и зло, изображены в рассказе о Розе и Агнессе / Пер. с англ. СПб.: изд-во М.О. Вольфа, 1862. С. II).

³³ По словам Елизаветы Нарышкиной, гостившей в парижском доме де Сегюров, произведения Ростопчиной из Розовой библиотеки («La Bibliothèque rose») были веселыми, но не всегда педагогически правильными (гостье из России не хватало в этих книгах наставительной серьезности).

³⁴ «Наш век есть, между прочим, век записок, воспоминаний, биографий и исповедей, вольных и невольных: каждый спешит высказать все, что видел, что знал и выводит на свежую воду все, что было поглощено забвением или мраком тайны» («Записки графини Жанлис». Париж. 1825 / Вяземский П.А. Литературные критические и биографические очерки. Т. I. 1810–1827. СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1878. С. 206).

³⁵ Персонаж фантастической повести Э.Т.А. Гофмана «Житейские воззрения кота Мурра».

³⁶ Записки куклы / Пер. с фр. К.Е. Ольского. СПб.: тип. К. Крайя, 1846.

свои увеличительным стеклом, чтобы прочитать написанное. Тетради эти названы: „Памятные записки куклы“. Подле них лежало перышко от колибри, на котором засохли чернила»³⁷.

Казалось бы, повествование от лица куклы – такая же условность, как и рассказ от лица любого другого персонажа. Однако кукольная мистификация в глазах детей претендовала на правдоподобие. Тому, кто играет с куклой, легко поверить в ее способность писать. Так и произошло, когда «записки» увидели свет. Обсуждение их авторства в детском читательском кругу стало настоящим событием. «Одни, притом и большинство, говорят, что не Снежана [имя куклы. – М.К.] написала эти записки; другие приписывают их маменьке, еще другие, наконец, говорят, что тут вмешался *домовой*; везде только и говорят о Снежане и о ее *Памятных Записках*»³⁸. Приходилось разубеждать слишком доверчивых читателей, наивно думающих, что кукла живая. «Вот я читала сама записки какой-то куклы, а разве она в состоянии была видеть и понимать что-нибудь, а между тем она письменно уверяла, что все понимает и все видит. – А ты веришь этому? – Конечно, верю. – Да как же кукла может писать? – Она занималась ночью письмом и записки свои, написанные пером колибри, прятала под постель свою. – Не верь этим глупостям, бедная моя Лиза, записки куклы написаны какою-то дамой, она для большего интереса сама себя назвала куклой, и под этим именем выдала книгу. – Так ты полагаешь, что писательница записок была не настоящая кукла? – Конечно, не настоящая. Ну как же может безжизненная кукла, сделанная из дерева, лайки и набитая отрубями, как может она рассуждать, видеть, слышать и писать?»³⁹ Примечательно, что разговор о правдоподобии ведется в книге под названием «Записки осла» С. де Сегюр. Условность повествования от имени такого персонажа не подвергалась сомнению, а вот рассуждения от лица куклы могли ввести в заблуждение доверчивых любительниц кукольной игры.

³⁷ *Памятные записки куклы. Повести для маленьких девушек, взятые с фр. В.К. Сомоговым.* СПб.: тип. А. Бородин и К^о, 1841. С. 155.

³⁸ Там же.

³⁹ *Записки осла.* Соч. гр. де Сегюр / Пер. под ред. Н.А. Ушакова. СПб.: изд-во т-ва «Общественная польза», 1864. С. 189–190.

Обложка книги «Записки куклы», изданной в революционной Москве 1918 года (изд. И. Кнебель)

Бороться с заблуждениями детского воображения считали нужным и русские писательницы. Александра Ишимова, издательница журналов для девочек «Звездочка» (1842–1863) и «Лучи» (1850–1860), была сторонницей «правдивых» рассказов для детей, без фантастических элементов и сказочных преувеличений. В «Разговоре о новых книгах», помещенном в «Звездочке» за 1844 год, брат и сестра рассказывают о своих читательских предпочтениях. Мальчик расхваливает книгу «Путешествия Гулливера», от которой он пришел в полный восторг. Наставница возражает: что хорошо для мальчика, не подходит для его

младшей сестры. «Она получила бы самые ложные и смешные понятия, которые надобно было бы потом с трудом искоренять в ней». Сестрица послушно соглашается: «Да и гораздо веселее читать о том, что в самом деле бывает на свете, нежели о том, что никогда не бывало и не будет»⁴⁰. Ишимова не упоминала на страницах своих журналов о «записках куклы», но от назидательных рассказов с участием кукол она не отказывалась.

«Записки куклы» посвящены рассказу о странствиях парижской куклы «по морю житейскому». Во время странствий кукла несколько раз меняет своих хозяек – девочек, различающихся характерами, социальным положением и материальным достатком. Многократная смена хозяев дорогостоящей игрушки была житейской практикой (кукол из магазинов часто передавали родным и знакомым по мере взросления детей, а также жертвовали малоимущим по мере износа куклы)⁴¹. Путешествие куклы по этажам социальной лестницы – повод рассказать о жизни разных слоев общества: от аристократов и образованных господ до городских люмпенов и крестьян.

Свой жизненный путь кукла начинает в магазине игрушек, который подобен институту для девиц, где все равны и полны надежд на будущее. Из этого девичьего «монастыря» кукла попадает в семью с хорошим доходом и разумным воспитанием детей. Затем куклу продают на детском благотворительном аукционе, после чего она оказывается в доме юной аристократки, богатой и невоспитанной девочки. Испорченную небрежением игрушку богачка отдает дочери горничной. Трудолюбивая девочка находит время для того, чтобы позаботиться о кукле. Затем социальная среда вновь меняется – читатель знакомится с семьей чиновника среднего достатка, откуда кукла отправляется на европейский курорт. Там ее похищает американка и увозит с собой в пансион для девочек. Раскаявшись, виновница возвращает куклу прежней хозяйке, семья которой вынуждена переехать в деревню из-за финансовых проблем. Девочка вместе с куклой проводит время в благотворительных трудах среди скромных поселян. На последних страницах книги метафора «море жизни» становится настоящим морем, в волнах которого оканчивает свою жизнь фарфоровая кукла. Смерть куклы, о чем сообщается в эпилоге «записок», не воспринимается как трагическая: девочка стала взрослой барышней и кукла ей больше не нужна. В продолжениях «записок», написанных подражателями Л. Ольней, чудо-куколка счастливо спасалась из воды и вновь попадала в круговорот детской жизни.

Отрывочные дневниковые записи, на которые разбито повествование, создают пеструю картину калейдоскопа жизни: «Подарок на Новый год», «Лотерея», «Несчастья», «Болезнь», «Прогулка в Тюльерийском саду», «Болезнь. Выздоровление. Свадьба», «Прогулка в Ахен», «Пансион», «Признание», «Несчастье», «Деревня», «Старуха», «Буря»⁴². В русском издании, увидевшем свет полвека спустя, то же мелькание глав с событиями из кукольной жизни: «Мое первое вступление в свет», «Лотерея», «У Маши», «Моя болезнь», «В городском саду», «Моя свадьба», «Меня похитили», «В пансионе», «Раскаяние», «Опять у Сони», «Как я удила рыбу», «Бедная старушка», «Как меня испугала мышь», «На волосок от смерти»⁴³ и т. д.

Русские издатели позволяли себе вольно обращаться с иностранным текстом: они то укорачивали его, превращая в назидательный рассказ, то наращивали до объема приключенческой повести. Правда, авантюрных приключений в «записках» куклы не так уж много, в

⁴⁰ Звездочка, журнал для детей, посвященный благородным Воспитанницам Института ея Императорского величества и издаваемый Александром Ишимовым. Петербург, 1844. Ч. 9. С. 180.

⁴¹ «Надо Вам заметить, что я кукла-великан, благодаря моему росту, меня и не бросают, а передают из рук в руки как редкость» (Записки петербургской куклы. СПб.: тип. И.И. Глазунова, 1872. С. 20). Речь идет о кукле ростом с трехлетнего ребенка.

⁴² Записки куклы / Пер. с фр. К.Е. Ольского. СПб.: тип. К. Крайя, 1846.

⁴³ Андреевская В.П. Записки куклы, для маленьких девочек. СПб.: изд-во Битепажа, 1898.

основном это бытописательные картины из жизни разных слоев парижского (лондонского, берлинского, петербургского) общества, куда волею судеб попадает кукла. Так, в английских изданиях рассказывалось, как кукла, сделанная в Нюрнберге, была куплена англичанином для своей дочери, потом попала в Индию вместе с семьей негоцианта, затем перевезена в Чикаго, а после оказалась в Париже («Воспоминания куклы», 1885). Русские издатели ориентировались на реалии отечественного житья-бытья: вместо каникул в бретонском замке – дача в Парголово («Записки петербургской куклы», 1872) и хутор в Малороссии (Андреевская В. «Записки куклы», 1898), вместо плавания по океану и путешествия в Индию – прогулки по Летнему саду и лечение на водах в Пятигорске («Записки куклы», 1846).

В роли автора «записок» выступает дорогая кукла из воска или фарфора. По кукольному ранжиру, это дама-аристократка, о чем свидетельствует ее роскошный наряд и высокая цена, указанная на ярлыке⁴⁴. Однако литературный прототип «сочинительницы» лучше искать среди дам полусвета, побывавших в разных житейских передрягах. В произведениях, написанных от лица французской камелии или русской содержанки, по-разному варьировался образ женщины-куклы, оказавшейся жертвой рока или пикантных обстоятельств⁴⁵. Именно в этом контексте рассматривали «записки куклы» взрослые читатели, находившие занимательность в таком чтении.

Отношение к женщине как бездушной вещице или игрушке становилось предметом осуждения в назидательной, реалистической и бульварной литературе. Однако объяснения этому печальному факту предлагались разные: авторы бульварных романов были не прочь порассуждать о притягательной для женщины «прелести порока», в то время как прогрессисты указывали на социальную зависимость, превращавшую женщину в «куклу» в руках мужчины. О положении женщин составлялись социологические отчеты и делались неутешительные прогнозы⁴⁶. К концу XIX века «прогрессивные» идеи попали и на страницы девичьих романов. Их героини бурно протестуют против мужских комплиментов, считая их унижительными. Так, девица в повести В. Желиховской с многозначительным названием «Кукла» боится показаться «хорошенькой куколкой» в глазах жениха и всячески подчеркивает свою независимость. Это было популярное изложение феминистских идей и жизненного кредо самой писательницы. Между тем задолго до юных героинь Желиховской протест против отношения к женщине как игрушке был высказан в «записках куклы».

В России первыми переводчиками «Записок кукол» были авторы, далекие от гендерных проблем: К. Сомогоров издавал литературные анекдоты, а Е. Классен – бытописательные романы и пособия по цветоводству (одновременно он занимался педагогической деятельностью и издавал исследования в области происхождения русского языка). Их интерес к книге французской писательницы был вызван желанием поиграть с женским (на их взгляд,

⁴⁴ Указание цены куклы – реалистическая деталь. «За громадным зеркальным стеклом, среди массы всевозможных игрушек стояла кукла величиной с трехлетнего ребенка. Длинные локоны льняного цвета падали ей на плечи; большие голубые глаза глядели весело на детей; громадная розовая шляпа, с перьями и бантами, сидела набок; шелковое розовое платье, все в кружевах, с пышными складками падало на толстые ножки в розовых чулках и настоящих кожаных башмачках; в правой, согнутой на шарнире, руке, кукла держала розовое яйцо; на груди у куклы был припилен ярлычок с надписью: «заводная, цена 35 р.» (Лухманова Н.А. «Не сказки». Для детей. СПб.: изд-во А.С. Суворина, 1903. С. 37). Фельетонисты пародировали «наивный реализм» авторов детских книг. А. Аверченко среди «достоинств» куклы с иронией называет ее цену: «умение в лежачем положении закрывать глаза составляло всю ее ценность, обозначенную тут же, в большом белом ярлычке, прикрепленном к груди „7 руб. 50 коп.“» (Аверченко А. Молодяк. Рассказы. М.: Дет. лит., 1992. С. 109–110).

⁴⁵ Урод. Роман П. Вистенгофа. М., 1849; Записки петербургской камелии. Для опыта – новый штрих по старому рисунку. А.Н. и Д.Л. СПб., 1867, и др.

⁴⁶ Сравнивая положение мужчин и женщин в Петербурге, авторы отчета 1863 года пришли к неутешительным итогам. «Воспитанная с детства для того, чтобы выйти замуж, не приученная ни к какому серьезному труду, обеспечивающему ей самостоятельное существование, составляя товар в глазах своих родителей, притом и товар самый ненадежный, да вдобавок пожирающий безвозвратно часть отцовского труда, она с первого момента пробудившегося сознания своего положения спешит купить средства к своему существованию». Платой служит красота и ранняя молодость (Жизнь в Петербурге по статистическим данным. 1869. СПб. Из Архива судебной медицины и общественной гигиены. № 3. 1863. С. 35).

анекдотичным) взглядом на жизнь. Дамы-писательницы открыли для себя «мемуары куклы» значительно позже. «Недавно я имела случай прочитать записки одной парижской куклы, которые меня очень заинтересовали, – славную штуку придумала эта француженка, сколько детей, я думаю, она потешила, не попробовать ли и мне написать свою биографию, как будто одна французская болтовня хороша – и русский рассказ имеет свою прелесть»⁴⁷.

Запоздалый интерес русских писательниц к жанру «кукольных записок» объясняется стереотипами писательских ролей в отечественных изданиях для детей: их сочинительницы предпочитали рядиться в одежды умудренных опытом «старушек» (А. Ишимовой в пору написания «Записок старушки» было немногим за тридцать⁴⁸) или благочестивых матерей, наставляющих своих дочерей на смертном одре. И те и другие (в силу преклонного возраста или тяжелой болезни) свободны от слабостей, присущих женскому полу, что давало им право наставлять девиц, вступающих в жизнь. «Большею частью дамы-писательницы скромны: они посвящают свои труды на пользу детей и пишут книги, относящиеся к воспитанию. Ты согласишься, что никто лучше женщины-матери не может написать таких сочинений», – убеждает свою воспитанницу гувернантка⁴⁹. Умудренность в понимании жизни сочеталась со свойственной дамам детской наивностью и простотой письма, которые, с точки зрения современников, выгодно отличали женское письмо от мужского⁵⁰.

В «Записках куклы» слово принадлежит женщине в расцвете молодости и красоты. Кукольная красота не меркнет с годами, о чем говорится с легкой иронией («...мы, куклы, счастливее людей, век можем прожить, не стареясь, только знай – меняй головы. Нам не страшно глядеть в зеркало, оно не покажет нам ни морщин, ни седины, почему и не за что будет на него сердиться, как часто делают это люди, обвиняя бедное, невинное зеркало в неверности»⁵¹). Кукла не стыдится своей эмоциональности, давая волю женским вздохам и восклицаниям, наивности и кокетству. Правда, надежного счастья кукольная красавица так и не находит. Увы, такова судьба всякой женщины, красота и молодость которой преходящи, а легкомыслие и ветреность наказуемы. На сходство кукольной и женской судеб намекают сентенции, которыми пестрят «записки» куклы («тщетные сожаления – сожаления куклы» или «как непрочна красота куклы!»). Сравнение женщины с куклой стало клише в литературе и речевом обиходе⁵². Кукла не прочь посетовать на трудную судьбу («Я – кукла, я – всего лишь кукла, но я столько пережила, что не могу отказать себе в удовольствии изложить все это на бумаге»⁵³). Назначение кукольных сетований и вздохов – предостеречь девочек от будущих страстей и свойственного женщинам легкомыслия («Жизнь кукол – увы – подвержена бездне случайностей и тысяче капризов. Последнее, по-моему, горше первого»⁵⁴). Взлеты и падения кукольной судьбы должны были напомнить читателям о бренности земной

⁴⁷ Записки петербургской куклы. СПб.: тип. И.И. Глазунова, 1872. С. 1.

⁴⁸ Ишимова описывает себя как старушку, скромно одетую в темный капот и чепец с белыми лентами. В таком наряде она приходит на детские праздники, где беседует с детьми и читает им книги.

⁴⁹ Детский театр и живые картины. Собрание пьес и сюжетов для живых картин, с объяснением устройства домашнего театра и постановки живых картин. Ал. П. СПб.: тип. Григория Трусова, 1852. Ч. 1. С. 123.

⁵⁰ В рецензии на одну из детских книг отмечалось, что книга «написана женщиною и потому дышит теплотою чувства, детской наивностью воззрений, при совершенно детской простоте способа выражения их» (Учитель. Журнал для наставников, родителей и всех желающих заниматься воспитанием и обучением детей / Изд. И. Паульсоном и Н. Весселем. Т. 1. СПб., 1861. С. 637).

⁵¹ Записки петербургской куклы. СПб.: тип. И.И. Глазунова, 1872. С. 28–29.

⁵² Героини А.Н. Островского прибегают к распространенным сравнениям с куклой для рассказа о своей жизни («Маменька во мне души не чаяла, наряжала меня, как куклу, работать не принуждала; что хочу, бывало, то и делаю» – Катерина в «Грозе», «Я вижу, что я для вас кукла; поиграете вы мной, изломаете и бросите» – Лариса в «Бесприданнице»). Употребление слова «кукла» в значении «щеголеватая, но глупая или бездушная женщина» зафиксировано в Толковом словаре В. Даля (1860-е).

⁵³ Булгакова Е. Из дневника куклы и другие рассказы для детей. М.: тип. И.Н. Кушнерева и К°, 1908. С. 3.

⁵⁴ Гуро Ю. Переписка двух кукол / Пер. с 4 фр. изд. СПб.; М.: т-во М.О. Вольфа, 1870. С. 6.

роскоши. Особенно это касалось женщин, чье благополучие зависело от служебного и материального положения мужчины (отца или мужа). Умейте сохранить достоинство и в этой ситуации – призывали авторы-моралисты, приводя примеры женского трудолюбия и смирения. Однако предостережения, высказанные от лица куклы, выглядят так соблазнительно! Да и весь антураж из мира взрослой женщины, которым окружена фарфоровая дама, казался юным читательницам таким привлекательным.

Модная кукла демонстрирует платье для детского бала (Фос Я. Детский кружок. Сборник для детей. Кн. 1. СПб.: тип. К. Вульфа, 1860)

Не претендуя на славу, к которой стремятся писатели-мужчины, кукла довольствуется приватным положением. В такой позиции есть немалые преимущества: «Если б я писала эти

записки для публики, то, может быть, была бы не так откровенна и скромнее в своих суждениях. Но я убеждена, что кукла, пишущая для *собственного удовольствия*, может говорить все, что ей придет в голову»⁵⁵. Кукле приходит в голову всякое: от женских глупостей до вполне разумных мыслей (и тогда кукла самодовольно заявляет: «Я самая разумная кукла в мире»). Кукла замечает то, что скрыто от посторонних взглядов за стенами великосветских особняков. «Ах, если бы люди знали, что мы видим ежедневно! Сколько обжор, сколько ленивиц не заслужили бы тех похвал, которых удостоиваются в гостинной!» Рассказывая об увиденном, кукла взывает к лучшим чувствам детей, выставляя себя настоящей моралисткой («Будьте добры и любезны, милые дети; нам маменьки, нянюшки и даже куклы беспрестанно твердят об этом» – эпиграф к изданиям «записок»).

Морализаторством «записки куклы» напоминали стиль «записок матери» – дидактических текстов для девиц, написанных в форме материнских наставлений дочери⁵⁶. Куклы, подобно матерям, выступают в роли резонерок, оценивающих недостатки своих дочерей. Эти недостатки разного свойства. Одни из них «природные», свойственные детям по малолетству, другие – «прививные», полученные в результате плохого материнского воспитания. «Разве мы можем преобразовать весь род людской, учить матерей? – восклицает кукла, а затем добавляет: – Но и мы можем кое-что сделать умными замечаниями»⁵⁷. Умные замечания предназначены дамам, занимающимся воспитанием своих дочерей (на это особо указывалось в предисловиях к «запискам»). Однако в «Записках» эти наставления из уст куклы становятся игрой⁵⁸.

В оценке женского поведения кукла всегда остается сторонницей традиционных представлений о роли женщины как «слабейшего пола», определенного Богом и обществом к ведению домашнего хозяйства. Нравственная беллетристика повторяла утверждения, прописанные в официальных текстах. Устав женских воспитательных учреждений, одобренный принцем Ольденбургским, гласил: «Главное назначение женщины есть семейство: женщина как создание нежное, назначенное природою быть в зависимости от других, должна знать, что ей суждено не повелевать, а покоряться мужу, и что строгим лишь исполнением обязанностей семейных она упрочит свое счастье и приобретет любовь и уважение, как в кругу семейном, так и вне оно»⁵⁹. Поэтому кукла осуждает излишнюю ученость, которой стараются блеснуть некоторые дамы и девицы («Я прихожу в ужас от кукол, знающих по-гречески и по-латыни! Живые языки – другое дело, они полезны в путешествиях; при том всегда приятно следить за разговором, хоть сама и молчишь»)⁶⁰. Устами куклы высказывались утверждения о вреде серьезного образования для женщин, которые в книгах для малолетних девиц подавались как бесспорные истины⁶¹.

⁵⁵ Памятные записки куклы. Повести для маленьких девушек, взятые с фр. В.К. Сомоговым. СПб.: тип. А. Бородин и К°, 1841. С. 57.

⁵⁶ Образец такой книги создала польская писательница К. Гофман-Танская «Pamiętka po dobrej matce» («Записки доброй матери», 1820). Перевод был опубликован без упоминания имени автора в издательстве М. Вольфа под названием «Записки доброй матери или последние ее наставления при выходе дочери в свет» (1857).

⁵⁷ Гуро Ю. Переписка двух кукол / Пер. с 4 фр. изд. СПб.; М.: т-во М.О. Вольфа, 1870. С. 140.

⁵⁸ Одна из наставниц спросила своих учениц, почему они не читают нравственных разговоров. Девочки искренне ответили, что «им не нужно знать того, что говорит госпожа Добронравова дочерям своим» (Кампан Ж. – Л. Карманная книжка молодой матери, или руководство к физическому и нравственному воспитанию детей / Пер. с фр. А... Г... М.: тип. С. Селивановского, 1829).

⁵⁹ Наставления для образования воспитанниц женских учебных заведений. СПб.: тип. Опекунского совета, 1857. С. 9–10.

⁶⁰ Кампан Ж. – Л. Карманная книжка молодой матери, или руководство к физическому и нравственному воспитанию детей / Пер. с фр. А... Г... М.: тип. С. Селивановского, 1829. С. 9.

⁶¹ Преподаватели женских заведений разделяли негативное отношение к образованным женщинам. Учитель словесности Е. Судовщиков, преподававший в Екатерининском институте, с откровенным презрением описывал образованных женщин: «Меньшинство или так называемые развитые женщины отличаются пока ленивою скукою, пренебрежительным,

В то же время утверждалось, что девочка не должна походить на «парикмахерскую» куклу – воплощение женской глупости. «У парикмахеров есть также куклы в лавках; они вечно стоят на месте, и лица у них преглупые. И не мудрено, никто ими не занимается. А мы, Милка, мы путешествуем, учимся истории и географии»⁶². Со временем менялись представления о том, что именно нужно знать воспитанной девице. «Если ты вздумаешь рассуждать так, как рассуждали старички прошедшего столетия, что прожили же люди, не зная и не читая ничего об искусствах, литературе, музыке, что и ты также можешь прожить без этого, то при этом ты должна вспомнить, что теперь все и всё идут вперед, а не назад, что ты с таким отсталым понятием и мнением не будешь считаться ни умной, ни образованной девушкой»⁶³. Читательницам внушали, что знания нужны девице исключительно для того, чтобы стать хорошей женой и помощницей своего мужа. Впрочем, в большинстве случаев так оно и было.

насмешливым видом, смешным разочарованием; оне неуважительно относятся к окружающим и вносят разлад в собственные семьи» (Гувернантка. Периодическое изд. для начальниц институтов и пансионеров, классных дам, домашних наставниц и учительниц и вообще для лиц, занимающихся воспитанием и образованием. 1862. № 5. С. 219).

⁶² Кампан Ж. – Л. Карманная книжка молодой матери, или руководство к физическому и нравственному воспитанию детей / Пер. с фр. А... Г... М.: тип. С. Селивановского, 1829. С. 88.

⁶³ Письмо 14-летней девочки к подруге одних лет с нею. 1877. С. 3.

Эпизоды из книги «История одной куклы. Рассказ для детей» (М.: А.Д. Преснов, 1878)

Кукла – знаток светских приличий, которыми следовало обладать девице, вступающей в свет. Согласно уставам женских заведений, необходимо «избегать всего того, что могло бы оскорблять скромность пола и возраста и что было бы противно приличию и нравственности»⁶⁴. Лучшей школой для освоения этих приличий служит «разумное домашнее воспитание и усвоенная в семейном быту привычка ко всему тому, что называется «хорошим тоном»⁶⁵. Кукла берется наставлять своих читательниц в сфере нравственности и этикетности. Делается это на примерах из жизни хороших и плохих девиц. К последним относятся аристократки, которые «не испорчены, а избалованы счастьем»⁶⁶. Для таких девочек

⁶⁴ Наставления для образования воспитанниц женских учебных заведений. СПб.: тип. Опекунского совета, 1857. С. 9–10.

⁶⁵ Благовоспитанная женщина или умение держать себя с тактом дома и в обществе. СПб.: Г. Гоппе, 1895. С. 2.

⁶⁶ Переписка ученицы с наставником. Издала Екатерина Бурнашева, классная дама при Николаевском сиротском инсти-

придумывались изощренные приемы исправления, в том числе с помощью дорогих кукол. В одной из историй родители подарили дочери красивую восковую куклу. Игрушка была одета в богатое платье с передником, на котором вышита нравоучительная надпись: «Для той, которая сознается в своих дурных поступках и будет стараться исправить свой дурной характер» (исправить надлежало девочку, кидавшую в служанок банки из-под помады)⁶⁷. Другой девочке мать подарила куклу, которая жестами показывала, что нужно делать: играть на фортепьяно, читать, писать, молиться. Когда пришли гости, кукла изобразила, как девочка берет чужие вещи и подслушивает. Разыгранной игрушкой спектакль так потряс хозяйку куклы, что она тут же исправилась. Оказалось, что внутри игрушки были кнопки и пружины, с помощью которых мать заводила куклу и та выполняла нужные манипуляции⁶⁸. Все эти истории печатались как «правдивые» рассказы из детской жизни, и описания чудо-кукол поражали детское воображение.

туте. СПб.: тип. Д.И. Калиновского, 1861. С. 49.

⁶⁷ Исправленное упрямство // Повести для детей. Соч. г-жи Лопатевой. Киев: тип. И. Вальнера, 1848.

⁶⁸ Звездочка, журнал для детей, посвященный благородным Воспитанницам Института ея Императорского величества и издаваемый Александрой Ишимовой. Петербург, 1845. Ч. 3.

Девичьи мечты о кукле. (Кукла умненькой девочки, небольшая история с присоединением сказок, песен и повестей / Пер. с фр. М.: тип. Александра Семена, 1850)

Кукла-дама – долгожданный подарок для девочки. (Кукла умненькой девочки, небольшая история с присоединением сказок, песен и повестей / Пер. с фр. М.: тип. Александра Семена, 1850)

Авторы «записок» напоминали своим читательницам о важности нравственного просвещения девочки. В противном случае слово «кукла» станет обидным, но, увы, справедливым прозвищем для особы женского пола, щегольски одетой, но недалекой. «Дорогие дети, вспомните, что, если вы не сделаетесь добры, образованы и трудолюбивы, вас сравнят позже с этими игрушками вашего детства и скажут: она прекрасна, но бесполезна как кукла»⁶⁹.

Служить на пользу девочке кукла могла только до известного возраста ее хозяйки. Затем барышня должна была расстаться с игрушкой и заняться подготовкой к выходу в свет. Возрастной переход маркировался резкой сменой наряда, досуга и этикета, которые

⁶⁹ Кукла умненькой девочки, небольшая история с присоединением сказок, песен и повестей / Пер. с фр. М.: тип. Александра Семена, 1850. С. 71.

у девочки и у барышни принципиально различались. Пятнадцатилетие было официальным пределом перехода (в бытовых практиках «невеститься» начинали с 12–13 лет). Поэтические вирши, написанные от лица девиц, воспевали момент вхождения в мир женщин.

В пятнадцать лет мне бегать уж неможно
По рощам, по лугам;
Должна сидеть я стройно, осторожно
В собраньях между дам,

И как старик суровым, строгим взором
Приветный взор встречать,
И целый час пред зеркалом, с убором,
В волненье провожать <...>

Пусть я еще игрушками играю
Надолго, без сует!
Пусть медленно ко мне подходят, умоляю,
Мои пятнадцать лет!⁷⁰

В кукольных «записках» напоминалось, что воспитанная барышня должна своевременно прощаться с куклой. Юные дворянки становились невестами, еще играя с куклами, поэтому наставление было не лишним⁷¹. От лица куклы высказывались по этому поводу сентиментальные сентенции. «Хотя Изабелла иногда и взглядывала на меня случайно, но стыдилась играть со мною и называть своей дочкой. Это очень грустная черта в жизни кукол: мы не меняемся к нашим господам и всегда готовы забавлять их, но оне с летами начинают пренебрегать нами, и мы перестаем существовать для них...»⁷² Шутливые сожаления становятся серьезным наставлением в том случае, если девочка не торопится расстаться с игрушкой. Мать заявляет дочери: «Ты уже слишком велика, чтобы играть в куклы, и пора тебе более серьезно учиться», и девочка, обливаясь слезами, оставляет любимую куклу⁷³. Общаться с игрушкой девочка может теперь только как воспитательница своих младших сестер, которые еще играют в куклы.

Пестрит советами и другая книга Л. Ольней «Переписка двух кукол» (1864), в которой одна из кукол-корреспонденток то и дело совершает промахи, а другая на правах старшей дает ей советы. «Младшая» эти советы с готовностью принимает. «У тебя ума хватит на двоих. Обращайся со мной, как с дочкой, жури меня, поучай, я обещаю слушаться». Переписка детей – популярный жанр в детских изданиях XIX века⁷⁴. Считалось, что поучение от лица ровесника избавит повествование от излишнего ригоризма, хотя вряд ли можно говорить о правдоподобию образов малолетних резонеров. Когда же «переписку» ведут куклы, назидание окрашивается юмором и приобретает игровой характер.

⁷⁰ Звездочка, журнал для детей, посвященный благородным Воспитанницам Института ея Императорского величества и издаваемый Александром Ишимовым. Петербург. 1845. Ч. 1. С. 108–110.

⁷¹ В условиях ранних браков жена могла быть в возрасте играющей девочки. По рассказам Д. Благово, его бабушке, объявленной невестой в 11 лет, в приданое отпустили несколько кукол («Рассказы бабушки из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово (1877–1880)»).

⁷² Воспоминания куклы // Мой журнал. Журнал для девочек. СПб., 1885. № 5. С. 128.

⁷³ Карелина А. Катина книга. Изд. автора. СПб., 1864. С. 67.

⁷⁴ Роман в письмах издала для детей мадам Жанлис («Маленькие эмигранты, или переписка детей. Творение госпожи Жанлис, служащее к образованию юношества / Пер. с фр. И. С. Т. 1–2. М.: Губернской тип. у А. Решетникова, 1811).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.